

Екатерина Заостровцева

**ЕСЛИ РЕБЕНКУ
ТРУДНО В ШКОЛЕ**

Екатерина Заостровцева

Если ребенку трудно в школе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40364672

ISBN 978-5-4496-2143-6

Аннотация

Труднообучаемый, гиперактивный, невнимательный, не умеющий себя вести – каких только эпитетов не удостоивался главный герой этой книжки... Как дать хорошее образование ребенку, которого школа списала со счетов? Эта книга о том, как организовать процесс обучения неформатного ребенка и как не сойти при этом с ума.

Содержание

О чем эта книга	5
Часть 1. Неформатные дети	11
Не вписался в систему	11
Да у вас необучаемый ребенок!	11
Кто у нас тут такой неформатный?	19
На дне школьной иерархии	27
Место твоих кроссовок – под потолком	27
Тюремная романтика	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Если ребенку
трудно в школе
Домашнее
обучение для детей
с особенностями развития**

Екатерина Заостровцева

Иллюстратор Елена Гнедкова

© Екатерина Заостровцева, 2019

© Елена Гнедкова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-2143-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О чем эта книга

Когда мы с мужем задумались о детях, у нас, как и у любых родителей, было много вопросов и волнений по поводу воспитания. Но ни секунды мы не сомневались, что нашим детям будет легко учиться. Ведь мы сами были такими – самостоятельно читали с четырех лет на радость мамам и бабушкам, в школе были круглыми отличниками и опережали программу, без особых трудностей поступили в МГУ и закончили его с отличием.

Поэтому нам несложно было представить, что наши дети так же, как и мы сами, будут опережать сверстников по успеваемости, пойдут в хорошую школу, закончат ее на отлично и с легкостью поступят в любой ведущий вуз страны или мира.

Но реальность сильно разошлась с ожиданиями. Наш старший сын Фёдор развивался по своей собственной траектории и в своем неторопливом темпе. С точки зрения врачей, ребенок был абсолютно здоров, его интеллект находился в пределах нормы. Он рос умным, творческим, соперничающим мальчиком.

Но при этом мы прекрасно видели, насколько он отличается от «среднестатистического» сверстника, стоит подойти к нему с линейкой «общеобразовательных стандартов».

Сын очень поздно начал читать, и в какой-то момент я

вообще не была уверена, что он начнет это делать. Он отказывался усваивать информацию с первого раза, невозможно было объяснить ему материал, пробежавшись по верхам. Нужно было копать глубоко и рассчитывать на то, что материал будет усвоен – только после того, как мы прошлись по теме много раз вдоль и поперек. Это неумение понимать с первого раза очень сильно раздражало педагогов.

Пока другие дети круглыми сутками ходили на дополнительные занятия и кружки, наш ребенок морально истощался от одного занятия в неделю. Он мог никак не показывать это поведением, он не жаловался – просто заболел. Федору сложнее, чем другим детям, давались любые жизненные перемены и нововведения. Его прямым текстом выгнали из нескольких секций и кружков, предложив нам подыскать что-нибудь более подходящее для «необучаемых» детей.

Другими словами, результат образования не был линейным – он абсолютно не зависел от объема действий, которые мы предпринимали как родители, и не зависел от количества информации, которую мы старались до ребенка донести.

Единственный способ, с помощью которого Федор неплохо обучался в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте, – это индивидуально, в мягкой и спокойной обстановке. Поэтому в какой-то момент стало очевидно – если мы хотим дать сыну хорошее образование, нужно брать этот процесс в свои руки.

Долгое время я не рассматривала семейное обучение все-

рьез. Я слишком «системный» человек, я люблю общество и общение, всевозможные правила и порядок. В целом я вижу очень много плюсов для ребенка, если он ходит в хорошую школу или садик. Однако в середине 2016 года мы на семейном совете приняли решение учить старшего сына дома, и это продолжалось два года.

Я – человек, которому обязательно нужно отрефлексировать свой опыт, и я часто делаю это через тексты. Поэтому почти сразу, как началось наше образовательное приключение, я начала вести личный блог. Блог был о том, как мы учимся, как я все успеваю, какие трудности с учебой испытывает сын и, конечно, как мы эти трудности преодолеваем.

Почти каждый пост в блоге показывал, что огромное количество людей просто ничего не знают о том, что казалось мне тогда обыденностью и ежедневной рутинной. Люди задавали вопросы, удивлялись, делились своими историями (я буду рада, если вы поделитесь своей, написав мне на почту ekaterina@zaostrovstvsev.ru). Многие писали и благодарили за то, что я рассказываю о существующих вариантах обучения и открываю людям глаза на то, почему ребенку может быть трудно учиться.

Спустя два года после того, как появился блог, мне захотелось собрать воедино всю информацию, которой я в нем делилась. Так и родилась идея этой книги.

В первой части книги я остановлюсь на том, кто это вообще такие – неформатные дети, которые не вписываются

в общепринятые стандарты. Их часто называют хулиганами, обвиняют в умственной отсталости и медлительности. Но на самом деле они просто не вписываются в общепринятые стандарты. Стоит их перестать мерить общим лекалом, оказывается, что это умные и послушные дети, которых можно научить чему угодно. Просто нужно потрудиться и подобрать ключ к ребенку. Наш старший сын – именно такой ребенок, неформатный.

За два года семейного обучения он успешно освоил программу двух первых классов начальной школы, сдал аттестации на четверки и пятерки – несмотря на то, что у нас с ним было много вполне объективных причин не справиться. Я уверена, что в общеобразовательной школе сын не смог бы прийти к такому результату. А я сама как мать вряд ли сэкономила бы столько нервных клеток.

Подробнее об объективных причинах, по которым детям может быть трудно учиться, так же, как и о принципах организации обучения этих детей, я расскажу во второй части книги, потому что блог показал, что таких детей, как наш Федор, испытывающих трудности с чтением, письмом, невнимательностью, гиперактивностью и коммуникацией со сверстниками, очень и очень много.

А в третьей части я расскажу о том, как не сойти с ума родителям, решившимся на семейное обучение своего «неформатного» чада. Это тоже очень важно, потому что от спокойствия и уверенности родителей зависит успех обу-

чения ребенка.

Основная мысль этой книги невероятно проста. Общеобразовательная государственная школа – самый распространенный, но далеко не единственный вариант обучения вашего ребенка. Вы можете учить его дома.

Эта идея на первый взгляд может показаться очень радикальной. Вас едва ли поддержат родственники и друзья. Вам вряд ли будет легко организовать учебный процесс. Вам придется полностью перестроить собственную жизнь, чтобы успевать все то, что вы без труда успевали еще вчера. Может быть, меньше работать и зарабатывать (но, может быть, и наоборот – здесь все зависит от вас, и об этом мы тоже обязательно поговорим в этой книге). Не исключено, что придется учиться чему-то новому, сесть за парту вместе со своим ребенком.

Но результат стоит того: это искренний интерес ребенка к учебе, умение распоряжаться своим временем и самостоятельно учиться.

В этой книге в основном речь идет о том, как семейное обучение складывалось у нас. Но я не стала ограничиваться своим опытом – я добавила в повествование «справочный материал» – для того, чтобы вам было проще ориентироваться и понимать, с чего вообще начинать и как общаться с представителями системы образования. И также я использовала истории других родителей, в том числе о том, как организовать домашнее обучение неформатных детей. Эти

истории были рассказаны мне в личном общении, по электронной почте и в комментариях к моим постам в блоге.

Я искренне надеюсь, что книга поможет вам принять особенности своего ребенка и выстроить образовательный процесс так, чтобы выиграла вся семья. Поможет превратить ребенка из «необучаемого» в увлеченного человека, которому нравится учиться. А вам самим придаст немного уверенности в своих силах.

Часть 1. Неформатные дети

Не вписался в систему

Да у вас необучаемый ребенок!

Так сложилось, что нашего старшего сына Федю многократно «выгоняли» из детских клубов, с кружков и секций. Сейчас я об этом пишу легко, но несколько лет назад я испытывала целую гамму чувств по этому поводу.

Бессилие – что бы я ни предпринимала в отношении Фединой учебы, это не помогало.

Отчаяние – я никогда не найду ему подходящую школу или секцию.

Тревогу – ведь он еще не дорос до первого класса, а что же будет потом!?

Вину – ведь это все я виновата, я «плохая мать».

А еще злость – по отношению к педагогам, которые не хотели даже пытаться понять моего ребенка.

И, что уж скрывать, зависть – по отношению к семьям, в которых дети беспроблемно ходили в детский сад и школу, а в свободное от уроков время посещали миллион кружков.

Ах да, кажется, еще глубокую внутреннюю обиду – по-

тому что, по сути, наших проблем никто не признавал, никто не говорил, что моя внутренняя боль реальна. «Вы просто перфекционисты, ищете идеальную школу, а идеальных школ не бывает». «Будь строже!», «Будь мягче!», «Терпи – и все пройдет». А еще мое любимое: «Ты наговариваешь на своего ребенка, посмотри, какой он хороший».

Кто бы спорил, ребенок и впрямь прекрасный – умный, добрый, чуткий к чужим проблемам, творческий. Я могла бы написать отдельную главу о его достоинствах. Но все это меркло на фоне характеристик, которые давали ему педагоги – необучаемый, медленно соображающий, невоспитанный, гиперактивный, неуравновешенный, одним словом, – хулиган.

Ребенок был настолько «несистемным» и «неформатным», что учителям было проще от него потихоньку избавиться, чем пытаться подобрать к нему ключик.

Однажды мы решили отправить Федю на подготовку к школе. Ему было около шести лет. На самом деле, конечно, «подготовка к школе» – это одно название: дети на этих занятиях не сидят за партами. В расписании – сплошь «игровые» предметы: творчество, математика, буквы в игровой форме, музыка и ритмика.

На всякий случай я сразу предупредила, что наш ребенок в новой обстановке может проявлять чрезмерную активность, но это уйдет, когда он привыкнет. Клуб был новый, каждый пришедший клиент ценился на вес золота, поэто-

му меня клятвенно убедили, что проблем с гиперактивностью не будет. Потому что педагоги-то опытные, готовы к такому повороту. Да и вообще, мол, гиперактивность нынче у каждого второго ребенка. Это практически норма и обыденность.

На самом первом занятии Федя конфликтовал с другим Федей.

Когда я спросила, что произошло на подготовке к школе, Федя объяснил: ему захотелось треснуть другого Федю, и он решил, что сейчас самое время «разделить апельсин».

Когда Федя злился в 5—6 лет, он иногда за неимением аргументов мог треснуть собеседника. Так часто бывает у маленьких мальчиков. Мы однажды договорились: драться нельзя. Надо решать конфликты словесно. Но Федя честно признался, что так не получится, ведь, когда эмоции зашкаливают, нужно что-то с ними делать. Например, сжать кулак и треснуть того, кто неправ. Поэтому на занятиях с нейропсихологом мы придумали игру: Федя сжимает кулак, трясет им яростно в воздухе и кричит считалочку: «Мы делили апельсин, много нас, а он один». Выигрывают обе стороны: оппонента не стукнули, а Федя выплеснул свои эмоции и не был стукнут в ответ.

Но второй Федя, ходивший на подготовку в школе, про апельсин ничего не знал и, конечно, пожаловался учителям.

Все нормально, успокоили меня учителя. Это ведь мальчишки, они еще и не такое могут.

Но еле заметная нотка напряжения после разговора осталась.

Второй раз конфликт разгорелся посреди занятия: мне позвонили и сказали срочно забрать ребенка пораньше, потому что он «целенаправленно избил всех девочек в группе – одна уже безутешно рыдает, другие на подходе».

Версия директора клуба была особенно драматичной. Федя бил всех девочек по очереди. Девочек было человек пять. Всего в группе восемь человек, включая Федю. То есть он «избил» практически всю группу.

Версия воспитательницы была немного другой. Девочка из Фединой группы собирала в корзинку игрушки. Подбежал Федя, корзинку у нее из рук выхватил, все рассыпалось. Федя побежал дальше. А девочка разрыдалась. Ее успокаивали, Федю стыдили. Он извинился, но, по версии воспитательницы, затаил обиду и потом, пока никто не видел, якобы ткнул девочку пальцем в глаз. В итоге Федю застыдили совсем, увели из класса, оставили одного в комнате, чтобы подумал над своим поведением. В конце концов он пришел и извинился перед девочкой, они помирились, и в конце занятия она даже «сделала за него домашку»: нарисовала Бабу-ягу сперва себе, потом Феде.

Я точно знала: Федя не может начать бить кого-то без повода, это не про него. Тем более он не может затаить обиду, выждать и навредить человеку. Он импульсивен, но, если не отомстил сразу, об обиде забудет.

Как все было на самом деле: девочка собирала корзину с игрушками «не по правилам», и Феде нужно было это исправить (он не смог объяснить словами, неуклюже выхватил корзинку из рук девочки, и все рассыпалось). Ткнул пальцем в глаз эту же девочку он абсолютно случайно, просто они сидели слишком близко друг к другу.

Но ярлыки навешаны. Федя – драчун и хулиган, дерется, намеренно избивает детей, выбирая девочек.

На следующем (третьем) занятии директор попросила меня зайти к ней в кабинет и в нарочито вежливых выражениях сказала, что Феде пока что рано готовиться к школе, на текущем этапе его нужно учить общаться и «хорошо» себя вести, а в этом клубе у педагогов, видите ли, совсем другие задачи. Что в переводе, конечно же, означало: мы не рады видеть вас, освободите помещение.

Тогда я впервые столкнулась с вещью, которая меня повергла в отчаяние. И это было отношение педагогов – людей, от которых полностью зависели дети.

Никто не готов был встать на место ребенка, искать причины его поведения. Там, где я четко видела, почему он поступил так, а не иначе, – мне рассказывали, что он «плохо воспитан и опасен для окружающих».

Полное отрицание своей ответственности. Когда Федя ткнул девочку пальцем в глаз, никого из педагогов рядом не было, хотя на группу из восьми детей было трое учителей и они должны были смотреть за детьми в этот момент.

Перекладывание ответственности на родителя.

А еще мне мягко намекнули, что Федя, наверное, растет в неблагополучной семье, а я не очень хорошая мать, и советовали разные книги по воспитанию детей.

Со спортивными секциями нам тоже, надо сказать, не везло.

Например, в один прекрасный момент тренер по плаванию заявил, что Федя абсолютно «необучаем» и не понимает, чего от него хотят взрослые. И ребенка надо перевести в группу младше, к детям возрастной категории от 3 до 5 лет. Феде было тогда почти 7. Он несколько дней плакал от унижения, что его отправили к малышам. Он говорил: «Мама, мне так стыдно, я неудачник!»

До этого мне казалось, что **педагоги должны замечать прогресс не только, когда он линейный**. За те два месяца, что Федя ходил в группу по плаванию, он научился плавать – и это был невероятный прогресс для человека, который пришел в группу абсолютно «нулевым». Сравнение с другими ребятами было явно не в пользу Феде. Но если бы мы сравнивали его с самим собой – он проделал колоссальную работу и превзошел мои самые нескромные ожидания. Неужели тренер, педагог с многолетним стажем, этого не видел?

А еще для меня это было историей о том, что **мотивация у детей дошкольного и младшего школьного возраста очень страдает, если их достоинство унижают**

учителя – люди, от которых, казалось бы, зависит их успех. Это очень хорошо понимают на Западе, где принято среди каракулей ребенка находить наименее уродливо написанную букву и хвалить то, как старался ребенок, пока ее писал. В России же считается, что так характер не закалить – большинство учителей и тренеров хотят видеть детей управляемыми и предсказуемыми. Если дети что-то делают по-своему, на них начинают давить, подчеркивать их несовершенства, угрожать страшными последствиями («будешь работать дворником» или «просидишь всю жизнь на скамейке запасных»). Есть дети, которые способны разозлиться («я могу больше!») и пойти на поводу у манипулятивного учителя, показав, на что они действительно способны. Но есть дети, которые от таких «угроз» вянут, как цветы на морозе.

Была одна секция, откуда Федю не могли «попросить» – она была государственная. Но и там ему доставалось – тренер попросту выгонял с занятия.

Предшествовали этому какие-то глупые и незначительные истории. Например, однажды на занятие после затяжной болезни пришел друг Феди – Арсений. Мальчики обрадовались друг другу и вели себя шумно. А репутация у Феди к тому моменту уже была такова, что в любой ситуации, даже если болтали двое, – наказывали Федю. Так было и в этот раз: тренер поставил его в угол и велел 30 раз приседать. Что сделал Федя: он начал «паясничать». Садился до упора, крепился вбок и делал кувырок. И все это с таким удивленным

лицом, как будто у него это выходит не нарочно: ой, еще раз кувыркнулся, ой-ей. Тренер предсказуемо рассвирепел и заставил его отжиматься на кулаках. Но и там Федя выдал какой-то фарс, после чего его выгнали с занятия.

Так, конечно, было не на каждом занятии, но повторялось регулярно.

С одной стороны, я сочувствовала тренеру: в нашем перенаселенном районе на окраине Москвы в группе по айкидо занимается 30 оболтусов. Попробуй уследи за всеми. С другой стороны – ну как можно выгнать с занятия шестилетку? В тот день Федя просыпался ночью и рыдал, то есть для него вся эта ситуация на айкидо была колоссальным стрессом.

Из истории с айкидо я поняла, что **даже очень хороший преподаватель не имеет возможности разбираться в разных ситуациях, когда детей очень много**. И ребенок «неформатный», который своим поведением выбивается из общей массы, рискует быть постоянным источником раздражения для педагога.

В тот год Федю надо было записывать в 1 класс, и мы этого не сделали. Думаю, именно эти три истории заставили нас с мужем понять, что хоумскулинг пока что единственный наш вариант чему-то научиться. Но об этом я расскажу немного позже. Пока давайте поговорим о феномене неформатных детей и о том, как к таким детям относится школа.

Кто у нас тут такой неформатный?

Так получилось, что детей «неформатных», как наш Федя, я могу распознать с первого взгляда.

Вот, скажем, собирается класс из двадцати человек (представим любой возраст начальной школы, от 6 до 10 лет). В таком классе всегда есть лидеры – отличники и спортсмены. Есть незаметные «среднячки». А есть – «неформатные» дети, которые при неудачном стечении обстоятельств превращаются в изгоев.

Среди таких наверняка может оказаться мальчишка, который не умолкая болтает о чем-то своем и мешает учителю. Или ребенок, который все время вертится и не может усидеть на месте дольше 10 минут. «Электровеник», который на перемене бегает быстрее всех, импульсивно выкрикивает не всегда правильные ответы с места и издает звуки «взрывов», когда зачеркивает что-то в тетрадке.

Это вполне может быть и высокочувствительная девочка, которая не успела переписать задание с доски, и поэтому она рыдает и не может успокоиться. Может быть, кто-то, кому «чешет» шею шерстяной свитер или слишком громко стучит карандашом сосед по парте, и поэтому заниматься невозможно. Есть вспыльчивый драчун, мерцающая искра: только тронь – полыхнет огнем и даст «в глаз». А есть медленный ребенок, который с точки зрения поведения никак не выде-

ляется, но ему нужно повторять материал раз пять, иначе он ничего не понимает и пишет контрольные на тройки, за глаза его часто называют «необучаемым» и «туповатым».

Современная российская школа, несмотря на красивые лозунги об инклюзии и равных возможностях, направлена на хорошистов и отличников. На ребенка, который выдерживает любую нагрузку, успевает по всем предметам хорошо учиться, инициативен, в целом сносно себя ведет и имеет покладистый характер, и поэтому у учителей нет к нему вопросов. Таких детей любят, их ставят всем в пример.

АНЕКДОТ

Все утопающие говорят, что дельфины толкали их к берегу. А знаете почему? Потому что те, кого дельфины толкали от берега, уже ничего никому сказать не смогли.

Все, что я расскажу дальше про общеобразовательную школу, может показаться вам немного мрачноватым. Но я сразу предупрежу вас – я верю в то, что идеальные школы все-таки где-то существуют. Такие школы, в которых отлично себя чувствуют и отличники, и отстающие троечники. Школы, в которые дети идут с большим желанием, вприпрыжку. В которых работают учителя, умеющие работать с непростыми детьми, способные удержать внимание класса и незаметно уделить больше внимания тем, кому это внимание действительно нужно.

Но так получилось, что знакомые мне мамы «неформат-

ных» детей таких школ не видели. Возможно, у родителей, которые по счастливой случайности отдали свое чадо в такую вот идеальную школу, – все хорошо, и у них просто нет потребности делиться своим опытом. Они не сидят на форумах для «труднообучаемых» детей или не делятся своим счастливым опытом в тематических чатах – им совершенно незачем это делать.

Поэтому мы будем исходить из того, что идеальные школы все-таки есть – но их очень мало. А общеобразовательная школа в том виде, в котором мы привыкли ее видеть сегодня, появилась в XIX веке для того, чтобы выпускать «удобные» и исполнительные кадры для заводов и фабрик, а чуть позже – контор и офисов. Людей, которые могли бы высидеть службу от звонка до звонка, не проголодаться лишней раз, не очень переживать из-за того, что где-то там, за пределами офиса, – любимая семья. И вообще, как минимум 8 часов в сутки не отвлекаться на жизнь за пределами станка или рабочего стола с компьютером. Ну и, конечно, иногда радовать руководство инициативами по повышению эффективности работы.

Для неформатных детей та школа, которую мы знаем, вообще не была предназначена. Поэтому неудивительно, что детей, к которым нужно относиться с терпением и пониманием, система очень часто старается оставить за скобками.

За последние годы я выслушала несколько сотен историй о том, как от «неудобных» детей стремятся избавиться. Спо-

собов избавиться от «неудобного» ребенка довольно много, и первыми, кто делает все, чтобы сбросить неудобного ребенка со счетов, – это учителя. Кого-то можно просто попросить найти школу «попроще», если речь идет о гимназии, ведь хороший рейтинг создается отличниками, а репутация школы намного важнее прописанных в законе гуманистических основ образования. Зачем за не самую большую в мире зарплату стараться найти особый подход к ребенку? Проще намекнуть, что ему пора на выход.

Наталья, из личной переписки: «Наша учительница в первом классе пыталась выжить моего сына. Она на собрании дала всем родителям бумагу на подпись, чтобы ребенка исключили. Обосновала это тем, что он срывает ей уроки и какие, мол, могут быть знания у ваших детей, когда ей нужно столько внимания для одного мальчика».

Если таких детей много, а их родители никак не соглашаются из школы уходить, – можно, так уж и быть, организовать специальный класс. В него собирают самых слабых с точки зрения учебы и эмоционально неустойчивых детей. Над этими детьми наверняка будут смеяться сверстники из «нормального» класса. Повезло, если на такой класс поставят терпеливую и желающую помочь детям учительницу. Если даже и в «слабом» классе ребенок не уживается – что ж, значит, пора на «индивидуальное» обучение, в одиночное плавание.

Галина, из личной переписки: «Меня сегодня неожиданно вызвали в школу. И там директор ошарашила заявлением, что собраны подписи родителей, которые просят исключить ребенка из класса. Мы уже меняли класс, и в новом все было терпимо и особых жалоб не было, а тут новогодний сюрприз. Я знала, что проблемы есть. Мы с учителем постоянно на связи. Я на все откликалась, помогала, жалоб не было. Видела всех родителей на новогоднем утреннике. Никто ничего не говорил. И тут как гром среди ясного неба – все подписи собраны. Кто-то занялся и подготовил, остальные подписали».

Удивительно, что о профессиональной некомпетентности педагоги предпочитают даже не думать – всегда, когда речь идет о неформатном ребенке, виноват кто-то, кроме учителя. Обязательно виноваты родители – мало занимались, поздно спохватились, не уделяли ребенку должного внимания. Конечно же, виноват сам ребенок – плохо себя ведет, не слушает, не умеет держать себя в руках.

А вот о вине учителя по какой-то загадочной причине речи никогда не идет, даже если педагог раздражается и не может сдержаться в общении с неформатным ребенком (а ведь такое, к сожалению, бывает сплошь и рядом). Ну а пока виноватые ищутся, неудобный школе ребенок идет на дно школьной иерархии – в общем-то, по большей части только потому, что ему нужно чуть больше внимания, чем другим детям.

СПРАВКА

Индивидуальное, надомное, заочное и семейное обучение – это выбор родителей. Никакая школа или садик (который в настоящий момент является первой ступенью образования) не могут вас принудить к этому, если ребенок в целом здоров и может посещать образовательное учреждение.

Так что если вдруг в школе вам намекают, что «пора на выход», потому что поведение или успеваемость ребенка оставляют желать лучшего, то помните, что закон Об Образовании на вашей стороне. Отчислить ребенка из школы не имеют права до момента, когда ребенку исполнится 15 лет. «По решению органа управления образовательного учреждения за совершенные неоднократно грубые нарушения устава образовательного учреждения допускается исключение из данного образовательного учреждения обучающегося, достигшего возраста пятнадцати лет» (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ ст. 19 п.7).

Максимум, чего может потребовать от вас школа, – пройти медико-педагогический консилиум для того, чтобы определить специальные условия обучения ребенка. Даже если эксперты консилиума подтвердят, что специальные условия необходимы, ст. 79 п. 4 говорит о том, что обучение может происходить в обычном классе вместе с другими учениками: «Образование обучающихся с ограничен-

ными возможностями здоровья может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях». В настоящий момент рекомендации ПМПК (психолого-медико-педагогических консилиумов) является рекомендательным, но не обязательным к исполнению (приказ Минобрнауки России от 20.09.2013 №1082).

@shein_family, Инстаграм: «Первый раз моему ребенку навредили года в 4, еще в детском саду. Начал проявляться характер, и его стали притеснять. Сильно отругали, надавили в туалетной теме. Ребенок перестал ходить в туалет, ибо в саду ругают, и заработал длительный энкопрез с лежанием в больнице и курсом у психолога. В этом же саду он получил серьезную травму. Воспитательница решила приструнить вредного мальчика и шибанула ему руку дверью. Мы ездили в травмпункт, сообщали в полицию, подняли на уши сад и отдел образования. Нас перевели в другой садик, но воспитательницу не отстранили. Свели на чокнутую мамашу и неугомонного пацана. Потом сын хорошо ходил в сад, пока мы не переехали и не попали в группу девочек. Сын был третьим мальчиком, обстановка была нервная, возраст уже внушительный, он начал перечить, и через две недели произошло ЧП. Сын препирался с воспитательницей, отказывался есть, говорил, что не будет. У нее сдали нервы, и она ударила его по губам, разбив нижнюю губу. Дальше – горячая линия образования, скандал,

перевод в другую группу. Эти истории научили меня, как выбирать сыну педагога».

@fedotovaksana, Инстаграм: «Я сама выбирала сильного и хорошего учителя сыну. Сын читал и очень хорошо считал, все ступеньки пособия Петерсон прошел. При этом у него есть дефицит внимания, без импульсивности. Добродушный по натуре, доверчивый. Весь первый класс сидел за шестой партой. Учительница только говорила: „Ну, пересажу я, пересажу, я же все понимаю“. А в конце года говорит: „Он меня не слышит!“ Я пошла к директору и написала заявление на семейное обучение со второго класса. Нас не „выживали“, но место такого ребенка в классе „хорошей“ учительницы понятно: сиди и не отвечивай. Если есть проблемы, маме выговор – мол, плохо с ребенком занимаетесь».

На дне школьной иерархии

Место твоих кроссовок – под потолком

И если где-то от шуток одноклассников плачет ребенок – значит, рядом нет ни одного настоящего взрослого.

Facebook, Наталья Цымбаленко

«Соня какая-то глупая и странная и все делает плохо и медленно», – такой фразой огоршил как-то за ужином мою подругу Лену ее сын-дошкольник. Он не так давно начал ходить на подготовительные занятия к школе. Соня – девочка из класса. Она «в своем темпе», действительно никуда не торопится, делает, как получится. Многие дети в этом возрасте такие. Но учительница сразу стала относиться к Соне с предубеждением: постоянно делала замечания, ставила постоять у своего стола. Даже разок выгнала ее из класса. Этого хватило, чтобы другие дети смогли «считать» отношение взрослого и стали тоже относиться к однокласснице с предубеждением.

Я встречалась с этим на примере старшего сына. Когда на секции тренер «шутит» на тему его неповоротливости, медлительности, отправляет «приседать» в назидание. А потом уже об этом «шутили» дети, рассказывали своим роди-

телям, и родители подхватывали «шутку» и участливо спрашивали у Феди, приседал ли он сегодня на занятии. Ну, не все, к сожалению, такие продвинутые, как моя подруга, которая на историю с сыном тут же отреагировала словами: «Да это же начало буллинга!»

Кстати, шутками дело не ограничивалось. То и дело Федя озадаченно искал свою «сменку» – и находил ее на высоком шкафу под потолком. Детям казалось мало словесных шуток, их обязательно нужно было дополнить каким-то смешным действием – например, забросить кроссовки на высокий шкаф. Потому что особенно уморительно было смотреть, как у такого же ребенка, как и ты сам, не хватает сил залезть под потолок и достать свою обувь. Какое отличное наглядное подтверждение словам взрослого о том, что «ты только присесть умеешь»!

– А один-то какой гадкий! Этого уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

– Оставьте его! – сказала утка-мать. – Ведь он вам ничего не сделал!

– Положим, что так. Но какой-то он большой и несуразный! – прошипела злая утка. – Не мешает его немного проучить.

Г-Х Андерсен. «Гадкий утенок»

Да, буллинг начинается со взрослых. С точки зрения ди-

кой природы, он легко объясняется – медлительная, гиперактивная или вообще «не от мира сего» особь ставит под угрозу существование всей стаи. Поэтому эту особь нужно коллективно носом оттолкнуть к обочине леса, и пусть уж там разбирается как-нибудь сама и остальных на дно не тянет. Люди в этом смысле какое-то время мало чем отличались от животных: все мы помним, что в Спарте слабых детишек сразу кидали со скалы, чтобы не мучились ни сами детишки, ни вся деревня (правда, сейчас утверждают, что это миф).

В XX веке непримиримость к неформатным детям была обусловлена постоянными встрясками: мировыми войнами, голодом, репрессиями. Меня в свое время поразили истории детей, выживших при массовых расстрелах, организованных нацистами – они умудрялись пролежать тихонечко под трупами взрослых, дожидаться темноты, вылезти, не потеряв самообладания, а потом уже сориентироваться (в темноте!), в какую сторону идти, чтобы найти «правильных» взрослых, которые спасут их. Способны ли на такое неформатные дети, с их тонкой душевной организацией и неустойчивой психикой? Вряд ли. Такие дети при виде опасности орать начали бы задолго до начала расстрела и, очевидно, погибли бы в первых рядах.

Неформатные дети не придуманы дикой природой для того, чтобы выживать в суровых условиях. Вот только мы живем в 21 веке и в крупных городах, где от дикой природы у нас, в общем-то, почти ничего не осталось. И нашему вы-

живанию слабые дети уже не угрожают. Особенно, когда их «слабости» не так уж и опасны для общества и заключаются, например, в неумении в 6 лет с первого раза правильно выполнить задание учителя или сконцентрироваться в течение сорока минут урока.

@kiryushkina_natalia, Инстаграм: «В каждой школе, в каждой параллели есть „класс слабых“. У нас это был „Д“ класс. От этого мы и звали их „дебилами“. Разве я могла в детстве подумать о том, что пребывание в этом классе может быть следствием каких-либо диагнозов? И была там девочка такая, над ней вечно хотелось посмеяться. Родила я Ирину и через какое-то время встретила эту девочку. Все такая же невзрачная, идет и сама с собой разговаривает, но при этом улыбочивая и всегда здороваается. Если бы вы знали, как мне хотелось у нее попросить прощения за мои подколы, которые она наверняка и не помнит, ведь такие люди не умеют держать зла. И вот мой бумеранг вернулся. Да здравствует коррекционный класс, в который я собственноручно записала дочь. Да здравствует класс, который я в свое время называла „дебилами“. Теперь я часть этой системы, и я хочу открыть глаза другим людям, что в таких классах дети могут обладать уникальными способностями, одна из которых – любовь к людям».

Тюремная романтика

АНЕКДОТ

Урок «Основы религиозных культур и светской этики». Учительница:

– И помните, дети! Те, кто будет учиться на «4» и «5», попадут в рай. А те, кто будет учиться на «2» и «3», – в ад!

Вовочка:

– Мариванна, а что, закончить школу живым нельзя?

Автор книги «Свобода учиться» Питер Грей¹ сравнивает школу с тюрьмой. Нет, не потому что 11 лет взаперти, хотя и это тоже определяет некоторое сходство. Ведь за эти 11 лет ребенок полностью зависит от своих «надзирателей» и имеет очень мало свободы, а за невыполненные задания его наказывают.

Нет, Грей пишет немного о другом – о том, что почти в каждой в школе выстраивается иерархия, похожая на тюремную. Некая верхушка, чаще всего успешные и физически развитые дети, верховодит остальными, учителя (как тюремные надзиратели) это негласно поддерживают. Это описывалось в классике: вспомните «Чучело» Владимира Железникова². Думаю, это может вспомнить каждый из своего лич-

¹ <https://www.litres.ru/piter-grey/svoboda-uchitsya-igra-protiv-shkoly>

² <https://www.litres.ru/vladimir-zheleznikov/chuchelo/>

ного опыта – вы либо гнобили «ботанов», либо вас гнобили как «ботана» и «тормоза».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.